

ИСТОРИЯ

*Александр Васильевич МАТВЕЕВ —
директор Института гуманитарных исследований,
доктор исторических наук, профессор
avm1586@yandex.ru*

*Владимир Михайлович КОСТОМАРОВ —
научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
vkostomarov@yandex.ru*

*Юлия Валерьевна КОСТОМАРОВА —
научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
jvkostomarova@yandex.ru*

Тюменский государственный университет

УДК 903.2

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ

CHARACTERISTICS OF THE ECONOMICAL ACTIVITY OF PAHOMOVO POPULATION OF TRANS-URALS FOREST-STEPPE

АННОТАЦИЯ. В статье представлены новые материалы, позволяющие существенно дополнить характеристику хозяйственной деятельности населения пахомовской культуры бронзового века.

SUMMARY. The article presents new material that allows to complete substantially the description of economical activity of the Pahomovo population of the Bronze Age.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Пахомовская культура, орудия труда, палеозология, хозяйство, производственная деятельность.

KEY WORDS. Pahomovo culture, instruments of labour, paleozoology, economy, manufacture activity.

Распад федоровской культуры, занимавшей во II тыс. до н.э. обширную территорию западносибирской лесостепи, повлек за собой возникновение нескольких разнородных образований, одним из которых была пахомовская культура. Активное ее исследование началось лишь в 80-е гг. XX века. Тем не менее в изучении специфики пахомовских древностей к настоящему времени достигнуты определенные успехи. За этот период удалось выявить около 30 пахомовских памятников, пред-

ставленных селищами и могильниками, 13 из которых изучены раскопками. Современный уровень источниковой базы позволяет разрабатывать и аргументировать гипотезы по ряду важных аспектов исследования пахомовской культуры. Во-первых, достаточно точно определены границы ее ареала, охватывающие лесостепные районы Притоболья, Приишимья и Прииртышья [1]; [2]. Во-вторых, общепринятой является точка зрения на происхождение пахомовских традиций в результате синтеза федоровского и лесного зауральского населения [1], [2; 81], [3; 38]. В-третьих, определена относительная хронологическая позиция пахомовских древностей. В-четвертых, дана общая характеристика основных элементов материальной культуры пахомовского населения (керамики, жилищ, зольников, инвентаря) [4; 178–195], [5; 43–55], [6; 50–63]. В-пятых, реконструирована основная направленность хозяйственной деятельности пахомовских общин. В-шестых, выявлены особенные черты погребальных памятников, оставленных пахомовцами [7; 50–63], [1–3], [8], [9; 52–60], [10; 15–21]. Конечно, эти узловые проблемы далеки от своего разрешения, но вектор их исследования четко обозначен.

Одним из наименее разработанных аспектов в изучении пахомовских древностей, по нашему мнению, является хозяйственно-производственная деятельность оставивших их племен.

Следует отметить, что она долгое время не являлась объектом самостоятельного исследования в силу малого количества источников для проведения подобных реконструкций. К ней обращались чаще всего в общем контексте изучения андронидных культур, в частности, сузгунской и еловской. Так, вопросами экономики их населения занимался М.Ф. Косарев. Придерживаясь экологического и палеоэтнографического подходов, исследователь описывал хозяйство андронидного населения как многоотраслевое, со значительной ролью присваивающих отраслей — охоты и рыболовства. Автор опирался на факт типологического разнообразия рыболовных грузил для сетей, находки костяных гарпунов. Произошедшие изменения в хозяйстве М.Ф. Косарев рассматривал как результат адаптации к новым природно-климатическим условиям, в которых проживало древнее население [11; 112]. В целом на протяжении 80–90-х гг. XX в. имели место публикации материалов отдельных памятников пахомовской культуры, в которых характеризовался инвентарь и приводились аналогии изделиям [12; 41–52], [4–7]. Среди подытоживающих исследований по пахомовской проблематике, где затрагивались и вопросы хозяйственных занятий пахомовцев, следует назвать работу О.Н. Корочкиной [1; 12–13]. На материалах пахомовских комплексов Притоболья, Приишимья и Прииртышья, изученных к середине 1980-х гг., она подтвердила выводы М.Ф. Косарева о комплексном хозяйстве населения пахомовской культуры, повышении роли в нем присваивающих отраслей по сравнению с предшествовавшей андроновской эпохой [1; 13]. Аналогичные заключения, основанные на тех же источниках, изложены О.Н. Корочкиной в одной из недавно опубликованных обобщающих работ по пахомовской культуре [2].

Следует отметить, что к настоящему времени источниковый фонд для изучения пахомовской культуры существенно пополнился. Исследование пахомовских памятников Притоболья — селищ Ботники-1в, Оськино Болото, Большой Имбиряй-10 предоставило в наше распоряжение важные материалы, расширяющие представления о пахомовской культуре в целом [13–15]. Так, при изучении селища Большой Имбиряй-10 получены факты, подтверждающие гипотезу о сосуществовании на одной территории андроновского черкаскульского и андронидного пахомовского населения. В культурном слое селищ обнаружен представительный комплекс орудий труда

и палеозоологические материалы, что позволяет вновь обратиться к характеристике хозяйственной деятельности пахомовского населения, существенно дополнив имеющиеся реконструкции новыми неопубликованными сведениями.

В данной статье мы рассмотрим структуру хозяйства пахомовских общин, соотношение в ней присваивающих и производящих отраслей, а также охарактеризуем ряд производственных занятий пахомовцев. Для достижения поставленной цели необходимо, во-первых, обобщить уже опубликованные материалы, обращая внимание на данные о разнообразных орудиях труда с пахомовских объектов Ук III, Ново-Шадрино VII, Оськино Болото, Ботики-1в, Инберень IV, Прорва, Пахомовская Пристань I, Жар-Агач I; во-вторых, привлечь новую информацию, полученную в процессе раскопок селища Большой Имбиряй-10. К ним относятся результаты трасологического анализа изделий из камня, глины, кости и определения видового состава костей животных с этого памятника*.

Анализ материалов позволил не только подтвердить вывод о комплексном характере хозяйства пахомовского населения, но и дополнить его новыми сведениями. Ведущей отраслью экономики пахомовцев было скотоводство. Видовой состав фаунистических остатков с пахомовских селищ Ново-Шадрино VII и Пахомовская Пристань I показывает преобладание в составе стада лошади (44 и 42% соответственно) и крупного рогатого скота (36 и 37%), доля мелкого рогатого скота 20 и 21% [16, табл. 1]**. В целом же на долю домашних животных на первом памятнике приходится 69%, диких — 31% [1; 12–13]. Совершенно другие данные получены по материалам селища Большой Имбиряй-10 (табл. 1).

Таблица 1

**Результаты палеозоологических определений
костных останков с селища Большой Имбиряй 10**

Виды	Кол-во	% от общего количества костей	% от количества костей домашних животных
Крупный рогатый скот	190	59,1	62
Мелкий рогатый скот	25	7,9	8,3
Лошадь	91	28,3	29,7
Итого	306	95,3	—
Медведь	1	0,3	—
Лось	14	4,4	—
Итого	15	4,7	—
			—
Всего	321	100	100

Количество костей крупного рогатого скота составляет 62% от общего количества останков домашних видов, мелкого рогатого скота — 8,3%, лошади — 29,7%. Общий показатель домашних видов животных равняется 95,3%, диких — соответственно 4,7%.

* Трасологический анализ орудий труда проведены Ю.В. Костомаровой; палеозоологические определения выполнены П.А. Косинцевым, за что авторы статьи выражают ему благодарность.

** При подсчете процентного соотношения костей животных разных видов П.А. Косинцев учитывал только останки домашнего скота.

Скорее всего, такое соотношение костей диких и домашних животных, крупного и мелкого рогатого скота и лошади на этом памятнике, присущее в большей мере для скотоводства черкаскульских групп, можно объяснить смешанным пахомовско-черкаскульским характером материалов селища Большой Имбиряй-10. Сходную картину мы можем наблюдать на черкаскульском селище Ольховка, где процент домашних и диких животных идентичен имбиряйскому [17; 15].

Сравнение результатов палеозоологических определений, полученных с федоровских, черкаскульских, бархатовских поселений с пахомовскими с учетом общей историко-культурной ситуации в регионе во второй половине II тыс. до н.э., позволило установить ряд закономерностей. Прежде всего, следует отметить изменение в соотношении домашних и диких животных в сторону увеличения количества последних на пахомовских, а затем и раннебархатовских поселках [18; 14–15]. Этот факт свидетельствует о повышении роли присваивающих отраслей в хозяйстве, что подтверждается и анализом производственного инвентаря, в числе которого отмечено повышение количества орудий, связанных с охотой и рыболовством. Кроме того, именно в пахомовское время происходят изменения в составе стада, выразившиеся в уменьшении количества костей крупного рогатого скота и в увеличении останков мелкого рогатого скота и лошади. Так, на федоровском памятнике Черемуховый Куст доля костей лошади составляла 14%, на черкаскульских селищах Имбиряй 3 и Ольховка — 14,7% и 11,4% соответственно [19; 67], [17; 15]. На пахомовском селище Большой Имбиряй-10 этот показатель составил 28,3% (от общего количества определенных костей). Повышение роли присваивающих отраслей и изменения в составе стада косвенно [20; 85; 101] можно объяснить, исходя из гипотезы о пришлом характере пахомовского населения на территорию Притоболья и Прииртышья. В условиях сосуществования на определенном этапе пахомовских групп с черкаскульскими и саргаринско-алексеевскими (селища Большой Имбиряй-10 и Жар Агач I), пришлые общины были вынуждены приспособливаться к новым природным условиям, занимая свободные экологические ниши, представленные, судя по топографии памятников, лесными массивами. Они благоприятствовали сочетанию производящего хозяйства и значительной доли присваивающих элементов экономики. При изучении пахомовских поселков на сегодняшний день не обнаружены сооружения для содержания скота, зафиксированные на андроновских памятниках, что может объясняться уменьшением количества крупного рогатого скота в стаде.

Скотоводство пахомовского населения носило мясо-молочный характер. Об этом свидетельствует значительный процент останков полувзрослых и взрослых особей домашних животных. При этом лошадь разводили также с целью получения продуктов питания [16; 162; 164]. Тип скотоводства можно определить как придомно-пастушеский, для которого характерно сочетание стойлового содержания животных и их выгона, но с возвращением стада на ночь в селище [21; 23–27]. Животноводство обеспечивало не только потребности в еде, но и давало сырье для ткацкого и кожевенного производств, связанных с изготовлением одежды. Кости скота широко использовались для получения орудий труда — проколов, тупиков, лошил и др.

Одной из присваивающих отраслей в хозяйстве пахомовского населения являлась охота, которая давала дополнительные источники пропитания и обеспечивала материалом для изготовления одежды. Судя по остеологическим остаткам с селища Ново-Шадрино VII (раскоп 1), в хозяйстве его обитателей она занимала немало-важное место. Среди ее объектов преобладали лось, косуля, кабан. Охотились также на лисиц, медведей, зайцев. Практиковалась охота и на пушного зверя (бобр)

[1; 17]. Кости медведя и лося обнаружены и на поселении Большой Имбирей-10 (0,3 и 4,4% соответственно). Кроме того, охотничий промысел иллюстрируется находками многочисленных костяных и единичных бронзовых наконечников стрел (20 и 2 соответственно), костяных накладок на лук [1, 7; 54, 5; 43]. Большая часть костяных наконечников черешковые, отличаются длиной черешка, на некоторых предметах он обломан. Поэтому судить о нем не представляется возможным. Можно отметить, что во всех случаях он имел уплощенное или овально-уплощенное поперечное сечение. Длину пера, в силу фрагментарности изделий, можно установить так же не во всех случаях. По имеющимся образцам можно сделать вывод, что она колебалась от 3 до 9 см, наиболее распространенными были изделия, имевшие длину пера 6–7 см. Несмотря на ряд общих черт, заметим, что рассматриваемая коллекция далеко не так однородна, как кажется на первый взгляд, она различается по внешнему виду, прежде всего — формой пера, его поперечным сечением, оформлением перехода от пера к черешку. Согласно этнографическим данным, наконечники стрел из кости или дерева использовались при промысле пушных зверей, так как в меньшей степени повреждали шкуру животного.

Концевые вкладыши для лука (3 экз.) происходят с поселений Ново-Шадрино VII, Пахомовская Пристань I, Алексеевка XXI [1; 12–13], [7; рис. 4–7], [22; рис. 11, 6]. Предметы имеют вид пластин, у которых один подтреугольный конец отделен от остальной части — в верхней трети — двумя трапециевидными выемками по бокам (вырезы для тетивы), противоположный конец заужен и уплощен с обеих сторон. Сечение — овально-подпрямоугольное. Подобные изделия известны в комплексах барабинского варианта сузгунской культуры [23; 152; рис. 75, 4], еловских и ирменских Верхнего Приобья [24; 61–62], [25; 106], [26; 71; 178; табл. 24, 9, 7]. Они найдены на юге Тюменской области на черкаскульском селище Ольховка, бархатовском поселке Щетково 2 [17, 20] и на городище Ефимово 1 в культурном слое переходного от бронзы к железу времени [27; 21].

Важное место в структуре хозяйства пахомовцев играло рыболовство. О его значимости свидетельствуют многочисленные находки грузил для рыболовных сетей и их разнообразие, в большей степени проявившееся на пахомовских комплексах Притоболья (рис. 1, 1, 4, 7, 8). На селищах обнаружено около 130 этих изделий, они не зафиксированы только в материалах памятника Жар-Агач I [14; 243, 13; 48; рис. 7, 4, 6, 10]. Грузила можно разделить на четыре категории: подпрямоугольные уплощенной формы с двумя и одним желобками-перехватами (68 и 50 экз.), округлые со сквозным отверстием (5 экз.), а также шарообразные (7 экз.). Первые два вида рассматриваемых грузил широко распространены на юге таежной зоны от Урала до Томско-Нарымского Приобья, особенно много их на памятниках Тюменского Притоболья. М.Ф. Косарев подчеркивал, что подобная форма грузил особенно характерна для заключительного периода эпохи бронзы [11; 136; рис. 50, 13, 16–19]. Часто на памятниках их находят скоплениями по несколько штук. Особенно многочисленны такие находки на памятниках еловской, молчановской, сузгунской культур.

Следует учитывать тот факт, что все памятники пахомовской культуры расположены на берегах рек или озер, пригодных для занятий рыболовством. Функция грузил — растягивать сеть и тянуть ее вниз. Сети могли расставлять на небольших речках поперек течения. Все обнаруженные грузила отличались способом крепления со снастью — имеются изделия с отверстием, но преобладают те, которые обвязывались крест накрест или вдоль. Кроме того, на селище Алексеевка XXI обна-

ружен фрагмент костяного гарпуна, который свидетельствует о распространении приемов индивидуальной рыбной ловли. Помимо соответствующего инвентаря, рыболовство в пахомовской среде документируется обнаружением ихтиологических останков. В одной из ям могильника Черноозерье II зафиксирована рыба чешуя [9; 54]. Помимо этого, в жилище 3 поселения Алексеевка XXI на полу отмечены скопления рыбьей чешуи [22; 185]. К сожалению, видовая принадлежность рыб, добываемых пахомовцами, не установлена.

Данных о знакомстве пахомовского населения с земледелием на сегодняшний день отсутствуют. Обнаруженные на памятниках песты могли использоваться для измельчения других материалов, например шамота, который в качестве примеси присутствует в большинстве керамических сосудов.

Обитатели пахомовских поселков занимались керамическим, металлообрабатывающим, кожевенным, ткацким, камне- и костеобрабатывающим и др. производствами.

Одним из основных являлось металлообрабатывающее производство, которое документируется находками различных бронзовых изделий. Среди них присутствуют: двухлопастные наконечники стрел, с листовидной формой пера и скрытой округлой в поперечном сечении втулкой [5; 43]; ножи нескольких разновидностей — бритвы (2 экз.) [14; 244, рис. 2, 11]; [5; 53], однолезвийный нож со слабовыраженным переходом от рукояти к лезвию с поселения Большой Имбиряй-10 (1 экз.) (рис. 2, 3), двулезвийный нож (1 экз.) [5, рис. 5, 1]; кельты (3 экз.); шилья (5 экз.); долото (1 экз.); различными украшениями, среди которых — серьга, желобчатый браслет, бляшки, бусины, гвоздевидные заклепки [14; 243]; [4; 185]; [5; 53]. Кроме указанных вещей, технологический процесс бронзолитейного производства иллюстрируется находками орудий, применявшихся на этапе плавки металла и отливки из него необходимых изделий. Так, практически на всех памятниках пахомовской культуры обнаружены разнообразные литейные формы, тигли, сопла, абразивные плитки, оселки, связанные с заточкой готовых изделий и доработкой отливок. Абразивы отличаются степенью зернистости: одни были пригодны для грубой обработки поверхности, а другие — для операций по доводке изделий (рис. 1, 9). Для оселков отбиралось гладкое, мелкозернистое сырье. В плане оселки имеют овальную вытянутую форму, в поперечном сечении они также овальные. На одном из окончаний рассматриваемых изделий оформлен желобок для подвешивания (рис. 2, 3). Изделия использовались для подправки лезвий металлических предметов — ножей, бритв и др. Подобные изделия широко представлены в степи и лесостепи в комплексах заключительного этапа эпохи бронзы и раннего железного века от Причерноморья до Казахстана [28; 146]; [29; 315]; [30; 123].

В качестве тиглей могли использоваться обломки бытовой посуды, но чаще изготавливались специальные емкости. На памятниках обнаружены разнообразные литейные формы из глины и камня, одно- и двусоставные. Глиняные литейные формы в количестве шести экземпляров встречены на поселениях Инберень IV, Жар Агач I и Большой Имбиряй-10. Две из них выявлены на поселении Большой Имбиряй 10. Они использовались для отливки металлических прутьев, которые могли являться заготовками для шильев, долот и других небольших орудий. Глиняная литейная форма для отливки ножа обнаружена на поселении Жар-Агач I [5; 53]. В материалах поселения Инберень IV присутствует литейная форма для отливки лапчатой подвески [4; 185]. Каменные формы для отливки шильев использовали обитатели селища Алексеевка XXI [22, рис. 10, 1]. Интересна литейная форма

с поселения Большой Имбиряй-10 (рис. 2, 1). Она изготовлена из талькового камня брусковидной формы, прямоугольной в поперечном сечении — это достаточно мягкий и легко поддающийся обработке материал. На каждой из граней заготовки вырезаны негативы изделий — шила, ножа, украшения (бляшки).

Ассортимент орудий, связанных с металлообработкой, их специализация, разнообразие самих металлических предметов, присутствующих на всех без исключения пахомовских памятниках и находящих аналогии в федоровских, черкаскульских, еловских, сузгунских материалах, свидетельствуют о том, что металлообработка была прочной традицией в среде пахомовского населения и играла важную роль в хозяйственной деятельности, обеспечивая средствами труда другие жизненно важные отрасли экономики.

На площади поселков не зафиксированы факты переработки руды; скорее всего, из-за удаленности от рудных месторождений металл появлялся там уже в слитках.

Помимо металлообработки, каждодневные потребности пахомовского населения удовлетворяло керамическое производство. Керамика — самый массовый материал на всех памятниках. Кроме того, вышедшая из употребления посуда использовалась как сырье для изготовления пряслиц, скребков и лоцил. На памятниках обнаружены орудия, связанные и с формовкой горшков. На поселении Большой Имбиряй-10 найден шпатель из кости, и орудия с такими же функциями, но изготовленные из горшечных черепков (рис. 1, 2, 3), а также небольшие гальки, использовавшиеся для заглаживания поверхности уже подсушенных горшков. Кроме сосудов, из глины изготовливались грузила, катушки, пряслица, литейные формы. При их производстве, как правило, использовалась глина без каких-либо искусственных примесей. После лепки изделия в обязательном порядке обжигались для придания им прочности.

О ткацком производстве говорят лишь косвенные данные — находки пряслиц и, возможно, катушек. Пряслица встречаются двух видов — лепные, биконические или уплощенные с отверстием посередине (4 экз.) и изготовленные из фрагментов горшечных черепков с просверленным в центре отверстием (10 экз.). Представлены в материалах поселений Ботники-1 в, Большой Имбиряй-10, Оськино Болото, Алексеевка XXI, Пахомовская Пристань I [13; 48, рис. 7, 1–3, 5, 7]; [14; 243]; [22; 184]; [7; 59]. Так называемые «катушки» обнаружены при исследовании поселений Оськино Болото и Большой Имбиряй-10 (рис. 1, 5, 6). Данные предметы являются типичными для поселений бархатовской культуры бронзового века. Они выявлены на всех памятниках этой культуры. Функциональная принадлежность изделий спорна, их рассматривают в качестве грузил, грузиков для ткацкого станка, катушек для ниток.

Обработку шкур животных документируют каменные скребки, использовавшиеся для удаления подшерстка и мездры; костяные тупики, применяемые при волососгонке и лощении. Скребки (4 экз.) обнаружены в коллекции селища Большой Имбиряй-10 (рис. 2, 4, 5). Изделия разнообразны по сырью, форме, размерам, расположению и очертанию рабочих лезвий. Следует отметить, что все скребки изготовлены из разных пород камня: песчаника и гранита. Заготовками для них служили крупные и средние отщепы, преимущественно аморфных очертаний. По расположению рабочих лезвий скребки подразделяются на концевые, боковые, концевые-боковые. Использовались без предварительной обработки лезвий.

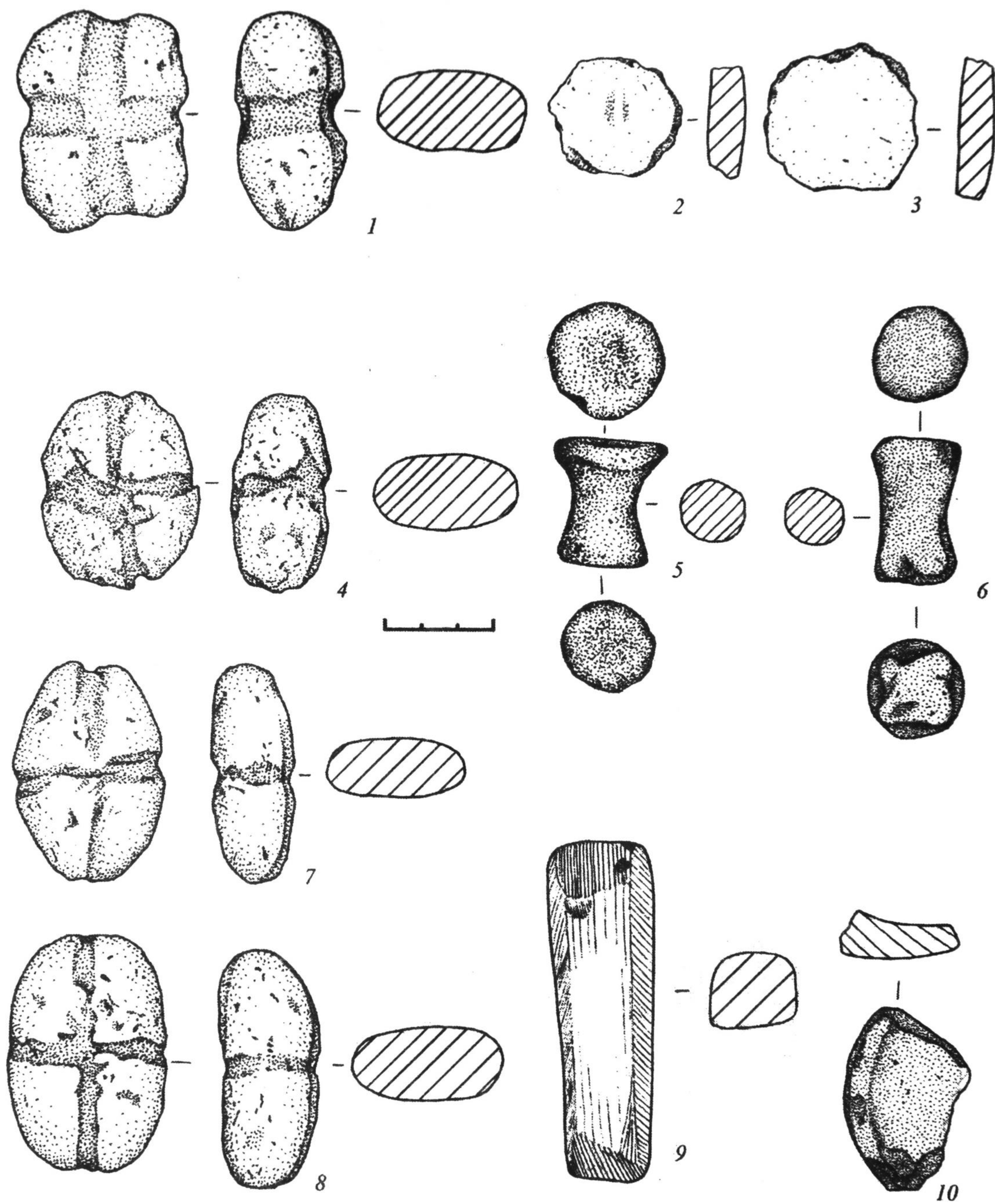

Рис. 1. Инвентарь селища Большой Имбиряй-10.
1-8, 10 — глина, 9 — камень

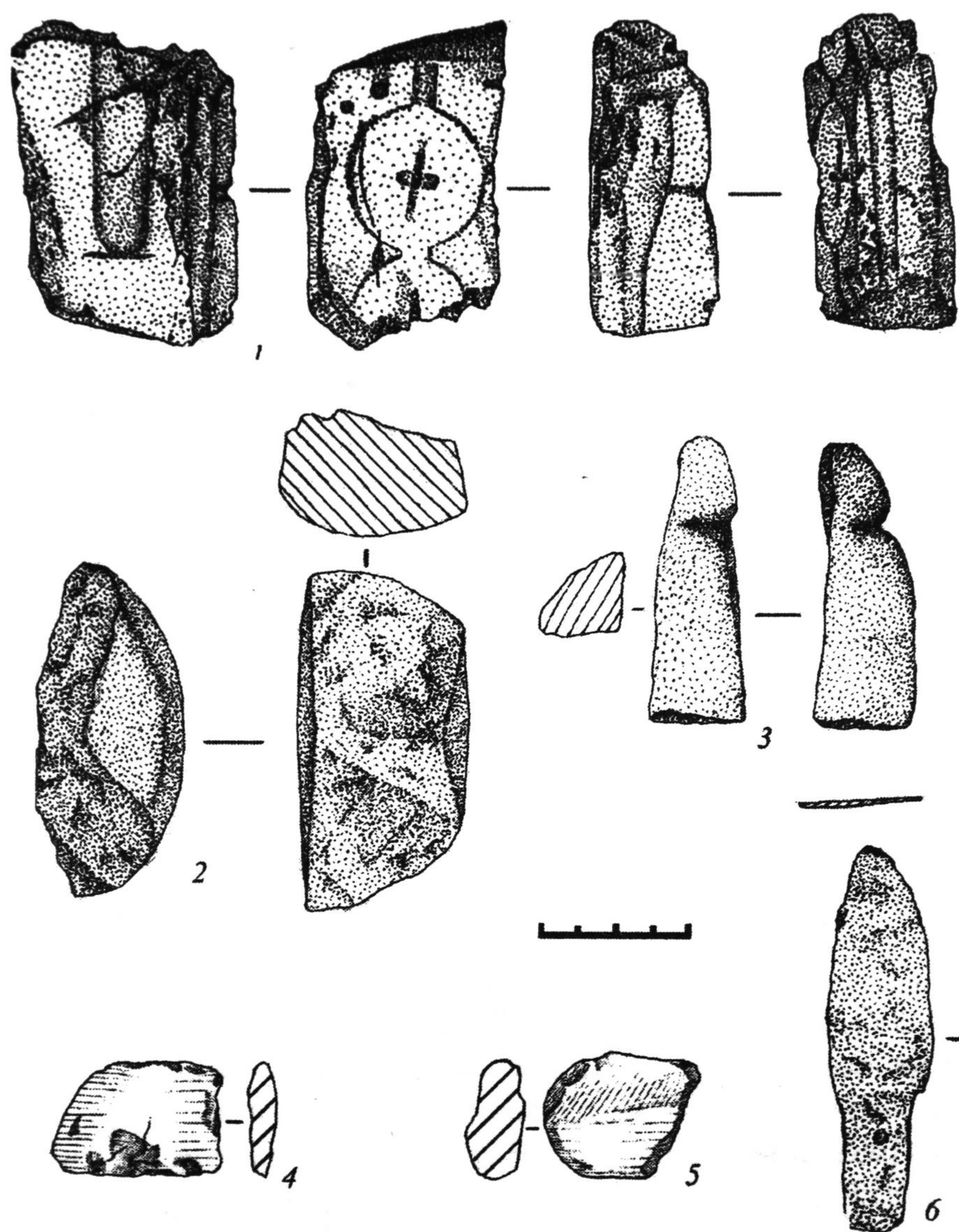

Рис. 2. Инвентарь селища Большой Имбиряй 10
1-5 — камень, 6 — бронза

Тупик (1 экз.) с памятника Пахомовская Пристань I [7; 59]. Изготовлен из челюсти крупного животного, сходные предметы обнаружены на многих памятниках эпохи бронзы. Считается, что тупик использовался для некоторых технологических операций по обработке шкур или выделке кож. Большое количество таких изделий обнаружено на поселениях ирменской культуры Верхнего Приобья [23; 127]; [26; 158, 32]

С процессом изготовления одежды или других вещей из шкуры или кожи связаны проколки (5 экз.). Обнаружены на селищах Ново-Шадрино VII, Инберень IV [1; 12]; [4; 186, рис. 5, 6]. С технологической точки зрения (то есть по способу изготовления) их можно разделить на три разновидности: из грифельных костей с четко выраженными головками, с тонко заостренной рабочей частью, тщательно заполированной поверхностью. Второй тип проколки изготовлен из кости с отрезанным эпифизом. Третья разновидность представлена предметом, изготовленным из расколотой пополам трубчатой кости животного (поселение Инберень IV). Проколки имеют стержневидную форму, одно из окончаний заострено. Круг аналогий

этим изделиям довольно широк: как в памятниках синхронных, так и предшествующих и последующих периодов.

С деревообработкой достоверно связаны находки кельтов, при различных операциях могли использоваться и бронзовые ножи. Дерево использовалось при строительстве домов, и, возможно, для изготовления многих предметов домашнего обихода, которые просто не сохранились в культурном слое.

Камне- и костеобработка обеспечивали орудиями труда другие производства. Пахомовским мастерам были знакомы такие приемы обработки камня, как обивка, сверление, абразивная обработка. Последняя наиболее часто применялась при изготовлении каменных изделий. Камень являлся основным поделочным материалом на памятниках пахомовской культуры, из него изготовлено большинство орудий. Для хозяйственных нужд пахомовцы использовали небольшие гальки и обломки породы, отбирая сырье, требующее минимальной подправки и доработки.

Кость подвергалась тесанию, строганию, абразивной обработке и полировке. Абразивы для обработки поверхности костяных изделий зафиксированы на поселении Большой Имбиряй-10.

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет конкретизировать вывод о комплексном хозяйстве пахомовского населения, сочетавшем скотоводство, охоту и рыболовство, а также ряд производств. При этом удалось установить, что соотношение обозначенных отраслей на селищах не являлось одинаковым. Так, на памятниках Притоболья среди прочего инвентаря преобладают керамические грузила, что является отражением ббльшей роли рыболовства в структуре хозяйства местного пахомовского населения. Общая специфика скотоводства проявилась в увеличении в составе стада мелкого рогатого скота и лошади и уменьшении количества крупного рогатого скота. Но и эти показатели неодинаковы. На наш взгляд, зафиксированные локальные особенности могут объясняться отличающимися конкретными условиями проживания носителей пахомовских традиций на различных территориях. На всем ареале пахомовские группы взаимодействовали с инокультурным населением (черкаскульским на западе, саргаринско-алексеевским на юге и юго-востоке), что и отразилось в хозяйстве. Такая неоднородная картина является отражением общей историко-культурной ситуации на территории Зауралья в позднем бронзовом веке.

Инвентарь с пахомовских поселений в технологическом и функциональном отношениях находит аналогии в материалах федоровской, черкаскульской, сузгунской, еловской культуры эпохи бронзы. Нами выделены орудия, использованные на разных этапах металлообрабатывающего, кожевенного, керамического производств. Население пахомовской культуры вело комплексное хозяйство, которое полностью удовлетворяло продуктами питания, сырьем для изготовления одежды и утвари. Все элементы экономики пахомовских групп были тесно взаимосвязаны и в совокупности обуславливали успешную адаптацию и выживание населения на занимаемых им территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышь в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 27 с.
2. Корочкова О.Н. Пахомовская культура эпохи поздней бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Наука, 2009. № 4. С. 75–83.

3. Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II–начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 26.

4. Корякова Л.Н., Стефанов В.И. Городище Инберень IV на Иртыше // СА, 1981. № 2. С. 178–195.

5. Сотникова С.В. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Западной Сибири. Омск, 1986. С. 43–55.

6. Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск: ИИА УрО АН СССР, 1991. 72 с.

7. Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань I // Источники по этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 50–62.

8. Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

9. Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники адрианоидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 52–60.

10. Матвеева Н.П., Костомаров В.М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 15–21.

11. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 277 с.

12. Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 41–52.

13. Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники 1 в на Нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 44–51.

14. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 241–248.

15. Матвеев А.В., Аношко О.М., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В. Большой Имбиряй 10 — новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовские чтения-2003. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 90–91.

16. Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2003. С. 157–174.

17. Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–42.

18. Аношко О.М. Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. 25 с.

19. Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 96 с.

20. Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Предварительные итоги работ 1999–2000 гг. на поселении Щетково 2 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 2001. Вып. 3. С. 213–216.

21. Бунятян Е.П. О классификации и типологии скотоводства // Маргулановские чтения. 1990. Ч. 1., М., 1992. С. 23–27.

22. Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка-XXI — памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1997. С. 162–198.

23. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1985. 200 с.

24. Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. Ч. 4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск, 1974а. 190 с.
25. Косарев М.Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск: изд-во Том. ун-та, 1979. С. 15–25.
26. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 182 с.
27. Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово-I (препринт). Тюмень, 1993. 64 с.
28. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 222 с.
29. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. Тюмень: Наука, 1985. 375 с.
30. Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 92–97.
31. Бородовский А.П. К вопросу об использовании костяных орудий из нижних челюстей с зубами крупного рогатого скота // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989.

Наталья Петровна МАТВЕЕВА —
 профессор кафедры археологии, истории древнего мира
 и средних веков Института истории и политических наук,
 доктор исторических наук
nataliamatveeva 1703@yandex.ru

Татьяна Николаевна РАФИКОВА —
 научный сотрудник Института гуманитарных исследований
TNRafikova@yandex.ru

Николай Александрович ПОПОВ —
 студент 5 курса Института истории и политических наук
Rorov_Kolja@mail.ru

Тюменский государственный университет

УДК 902

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА КОЗЛОВ МЫС ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (2007–2009 гг.)

EXCAVATION RESULTS OF KOZLOV FORELAND NECROPOLIS OF GRATE MIGRATION EPOCH (2007–2009)

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются материалы IV–V вв. из Зауралья, полученные при раскопках могильника Козлов Мыс близ Тюмени, отражающие смену культур и этносов на рубеже раннего железного века и средневековья и формирование бакальской культуры.

SUMMARY. The article presents the materials of IV–V centuries, obtained during excavation works of Kozlov Foreland necropolis near Tyumen. The materials demonstrate the change of cultures and ethnoses at the turn of Iron Age and Middle Ages, as well as the formation of Bakalsk culture.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Зауралье, Великое переселение народов, бакальская культура.
KEY WORDS. Trans-Urals, the Grate Migration epoch, Bakalsk culture.